

ФЕНОМЕН НОСТАЛЬГИИ В ГОРИЗОНТЕ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

© И. В. Дёмин

Дёмин Илья Вячеславович
кандидат философских наук
доцент кафедры философии
Самарский государственный
аэрокосмический университет
им. С. П. Королёва
ilyadem@rambler.ru

В статье рассматривается концепция исторического (ностальгического) опыта Ф.-Р. Анкерсмита. Выявляются онтологические предпосылки этой концепции и определяется её место среди других концепций постметафизической философии истории.

Ключевые слова: ностальгия, ностальгический опыт, исторический опыт, опыт прошлого, феноменология, Анкерсмит, исторический нарратив.

Выражение «постметафизическая философия» используется нами в самом широком и как бы «усреднённом» значении. В области философии истории к постметафизическим можно отнести все историософские концепции, которые так или иначе дистанцируются от классической европейской метафизики. Эталонной последней является гегелевская философия истории. Среди наиболее значительных концепций постметафизической философии истории следует назвать: экзистенциальную аналитику историчности Dasein М. Хайдеггера, философскую герменевтику Г.-Г. Гадамера и П. Рикёра, аналитическую философию истории А. Данто, нарративную философию истории Х. Уайта и Ф.-Р. Анкерсмита. Что касается Анкерсмита, который по праву считается крупнейшим современным философом истории, то его ранние работы вполне укладываются в парадигму нарративной (постструктуралистской) философии истории, тогда как поздние работы («История и тропология» и особенно «Возвышенный исторический опыт») знаменуют собой переход к принци-

пиальной иной версии философии истории. В своём докладе я остановлюсь на концепции исторического опыта Анкерсмита. Центральное место в этой новой философии истории занимает феномен ностальгии.

Феномен ностальгии в последние десятилетия изучался главным образом в контексте психологических и социологических исследований¹. *Философский* же смысл и статус этого понятия остаётся во многом непрояснённым. Философских работ, посвящённых феномену ностальгии, практически нет. В качестве исключения можно привести кандидатскую диссертацию Е. В. Новикова «Нравственный смысл ностальгии»². Но в ней анализируются этические, а не онтологические аспекты опыта ностальгии.

В области философско-исторического знания наибольшее внимание феномену ностальгии уделяется в работе «Прошлое — чужая страна» Дэвида Лоуэнтала. Как отмечает автор, впервые ностальгия была диагностирована и получила свое название (от *греч.* *posos* — возвращение в родные земли и *algos* — страдание, горе) в 1688 г. Иоганном Хофером (Hofer). Ностальгия XVII в. включала в себя по большей части физические, а не душевные переживания. Это была болезнь с явными симптомами и зачастую и летальными последствиями. «Это было довольно распространенное заболевание. Оказавшись вне родных мест, многие люди слабели, чахли и даже умирали»³.

В наше время ностальгия понимается как «тоска по родине» и «тоска по прошлому». Иногда уточняют, что ностальгия — это тоска по прошлому, которого не вернуть. Тоска по «безвозвратно ушедшему», «необратимо» ушедшему прошлому. Последнее уточнение важно в контексте вопроса о месте феномена ностальгии в понимании истории и прошлого.

Феномен ностальгии, как уже было сказано, занимает центральное место в концепции исторического опыта Анкерсмита. Строго говоря, сам исторический опыт трактуется Анкерсмитом как опыт ностальгический.

Отход Анкерсмита от нарративной философии истории наметился уже в работе «История и тропология: взлёт и падение метафоры». Центральным понятием здесь становится понятие «исторического опыта». Этот поворот можно обозначить как *поворот от нарратива к опыту*. Трактовка Анкерсмитом исторического опыта оригинальна. Прежде всего, своё понимание исторического опыта Анкерсмит противопоставляет «истори-

¹ См., например: Чикишева А. С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // *Фундаментальные проблемы культурологии* : сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. М. : Новый хронограф : Эйдос. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. 2009. С. 267—277; Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 6 (62). С. 7—13; Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // *Социологические исследования*. 2001. № 8. С. 31—34.

² Новиков Е. В. Нравственный смысл ностальгии : дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 153 с.

³ Лоуэнталь Дэвид. Прошлое — чужая страна / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Русский остров, 2004. С. 43.

цистскому» его пониманию. Под «историцизмом» Анкерсмит подразумевает классический историзм, представленный прежде всего в гегелевской философии истории. «Истористы, — пишет Анкерсмит, — интерпретируют процедуру исторического анализа как *опыт независимо данной исторической реальности*; постмодернистская теория изображения имеет сомнения относительно той автономии, которую историст приписывает реальности прошлого. Таким образом, реальный спор между истористом и постмодернистом касается природы исторического опыта и места исторической реальности в историческом освоении прошлого. Коротко говоря, *можно задаться вопросом, оставляет ли постмодернистская теория историописания, в отличие от таковой же в историзме, место подлинности исторического опыта, то есть для аутентичного опыта прошлого, в котором прошлое все еще может утверждать свою независимость от историописания*»⁴. Концепция исторического опыта как опыта ностальгического как раз и стала ответом на этот вопрос. Анкерсмит стремится показать, как возможен аутентичный опыт прошлого. Нетрудно заметить, что Анкерсмит здесь порывает с основополагающей презумпцией нарративной философии истории, согласно которой «история есть рассказываемая история» (соответственно, прошлое обретается не иначе, как в рассказе о прошлом).

Ключевой тезис Анкерсмита заключается в том, что исторический (ностальгический) опыт — это не опыт *самого прошлого*, но опыт *различия* между «прошлым» и «настоящим». «Ностальгический опыт прошлого, — пишет Анкерсмит, — *последовательно защищает недостижимость прошлого*, уважает расстояние или различие, являющееся необходимым для возможности исторического опыта»⁵. *В ностальгическом опыте, согласно Анкерсмитту, мы познаем не «прошлое непосредственно», но различие или расстояние между настоящим и прошлым. «Ностальгия сообщает нам единство прошлого и настоящего: так, опыт различия требует одновременного присутствия того, что лежит на обоих концах различия, то есть и прошлого, и настоящего. В опыте различия прошлое и настоящее объединены.* Однако оба они представлены только в их *различии* — и именно эта квалификация разрешает нам выразить парадокс единства прошлого и настоящего. Но в обоих случаях, предпочитаем ли мы видеть ностальгию как опыт различия или как единство прошлого и настоящего, различие становится центральным, в то время как прошлое и само настоящее уменьшены до простых производных феноменов. Прошлое больше не «реальный» объект, каким оно было для историзма. «Реальность», опытным путем познанная в ностальгии, и есть само различие, а не то, что лежит на другой стороне различия, то есть прошлое как таковое»⁶. Выражение «реальность различия», конечно же, является метафорическим,

⁴ Анкерсмит Ф.-Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003. С. 365.

⁵ Там же. С. 375.

⁶ Там же. С. 374.

поэтому и берётся Анкерсмитом в кавычки. Строго говоря, реальность может быть реальностью различного, различённого (то есть опять-таки «прошлого» и «настоящего»), а не самого различия. Правильнее, поэтому, говорить о ностальгическом опыте или переживании как целостном феномене, в котором прошлое открывается в его отличии от настоящего и, можно добавить, — в его недостижимости для настоящего.

В ностальгическом опыте прошлое и настоящее одновременно разъединены и объединены. Но и разъединены и объединены прошлое и настоящее могут быть лишь благодаря различию, опыту различия, ностальгическому опыту. «В своей наиболее острой форме, — пишет А. Олейников, — ностальгия представляет собой такое восприятие действительности, в котором прошлое и настоящее, благодаря их конфликту, присутствуют вместе и неразрывно друг от друга»⁷.

Ностальгия в концепции Анкерсмита — это не вид психического расстройства, а определённый способ переживания времени, «благодаря которому нам впервые и в чистом виде дается реальное ощущение дистанции, пролегающей между прошлым и настоящим»⁸. «Эта дистанция, которая еще не обрела черты объективного временного отстояния, не только разделяет, но и одновременно связывает прошлое и настоящее. Она делает их необходимыми друг для друга»⁹.

В работе «Возвышенный исторический опыт» Анкерсмит подчёркивает доязыковой, внеязыковой характер исторического опыта. Мишенью для критики здесь становится так называемый «лингвистический трансцендентализм» и философия лингвистического поворота в целом.

Под вывеской «возвышенного исторического опыта» у Анкерсмита выступает ностальгический опыт. «Возвышенный исторический опыт, — пишет Анкерсмит, — есть опыт обособления прошлого от настоящего. Прошлое рождается из травматического опыта историка, вступающего в новый мир и сознающего бесповоротную утрату прежнего мира»¹⁰. Тоска по прошлому как безвозвратно, бесповоротно утраченному — это и есть характерный признак ностальгии.

Возвышенный исторический опыт не есть ни объективный, ни субъективный опыт, он есть «слияние» объективного и субъективного. «Возвышенный исторический опыт представляет собой, грубо говоря, слияние объективного и субъективного опыта прошлого... Между этими тремя видами исторического опыта нет непроницаемых границ. Один способен легко перетекать в другой. Так, объективный исторический опыт может оказаться столь увлекательным для историка, что породит отклик в его уме и тем самым перейдет в субъективный исторический опыт. Далее, субъек-

⁷ Олейников А. Исторический опыт — новый предмет теории. URL: <http://kogni.narod.ru/exper.htm> (дата обращения: 14.05.12).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А. А. Олейникова, И. В. Борисовой, Е. Э. Ляминой и др. М. : Европа, 2007. С. 368.

тивный исторический опыт вполне может спровоцировать чувство утраты и ностальгии по прошлому, более желанному, нежели настоящее, и тогда частица возвышенного исторического опыта распространится на субъективный опыт... И наконец, поскольку возвышенный исторический опыт гармонически сочетает объективный и субъективный исторический опыт, очевидно, что они в нем содержатся»¹¹.

Для Анкерсмита важно разработать такую концепцию исторического опыта, которая бы заведомо исключала возможность «освоения» и «присвоения» прошлого. Трактовка исторического опыта как опыта ностальгического в этой связи вполне отвечает этой задаче. Прошлое, данное нам в ностальгическом опыте, есть прошлое недостижимое для нас в том смысле, что его невозможно «использовать». «Опыт истории, — отмечает П. Резвых, — в основе своей есть опыт не единения, а разделения, не ассоциации, а диссоциации, не герменевтического “слияния горизонтов”, а удержания радикальной несводимости двух темпоральных перспектив»¹².

Здесь уместно провести параллель между концепцией исторического (ностальгического) опыта Ф.-Р. Анкерсмита и трактовкой бытия прошлого в феноменологической онтологии Ж.-П. Сартра.

«Прошлое» в концепции Сартра существует по способу в-себе. Оно есть то, что всякий раз отрицается, *оспаривается* в бытии-для-себя, которое в своём бытии есть проект-себя. Прошлое *самим этим отрицанием-оспариванием приводится в мир*, всякий раз открывается, обнаруживается. Поскольку для-себя-бытие есть отрицание («ничтожение»), прошлое, существующее по способу в-себе, *бытийно необходимо*, так как оно является тем, *что* отрицается всякий раз в *моём* для-себя-бытии. «Моё прошлое» есть то, отрицанием *чего* я сам всякий раз являюсь в своём для-себя-бытии. «Именно поскольку я являюсь своим прошлым, я могу не быть им; именно сама эта необходимость быть своим прошлым есть единственно возможное основание того факта, что я им не являюсь»¹³.

Прошлое как «моё прошлое» приходит в мир посредством моего теперь-бытия. Но Сартр подчёркивает при этом, что «я не даю ему бытие». Это значит, что хотя вне моего теперь-бытия никакого прошлого нет, я не могу сделать бывшее небывшим или *изменить* «своё прошлое». Сартр отрицает за прошлым бытийный характер *возможности*. Моё прошлое не есть «моя возможность» и не есть «мой выбор». Несмотря на это, я всякий раз беру за своё прошлое всю полноту ответственности *так, как если бы я мог его изменить, так, как если бы оно (свободно) выбиралось мной*. Моё прошлое — это «*мёртвый груз*», который *ничего не может дать мне в моём бытии*, но который я вынужден всякий раз брать на себя без всякой возможности его сбросить.

¹¹ Там же. С. 368.

¹² Резвых П. Опыт разрыва и событие любви (Тезисы об «историческом опыте» Ф. Анкерсмита и «вечном прошлом» Ф. Шеллинга) // НЛО. 2008. № 92.

¹³ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М. : Республика, 2002. С. 147.

Сходство с концепцией Анкерсмита заключается в том, что в обоих случаях за прошлым отрицается бытийный характер *возможности*. Прошлое, открываемое в ностальгическом историческом опыте, есть прошлое, *недостижимое*. Это прошлое уже не есть моя возможность, оно ничего не может дать мне в моём бытии. Скорее, оно есть немой укор или упрёк «настоящему».

Анкерсмит интерпретирует ностальгический опыт как *аутентичный* опыт прошлого. Такая интерпретация имеет в качестве своей предпосылки идею о том, что исторически нарратив *сам по себе* (каким бы он ни был) «заслоняет» доступ к аутентичному прошлому. «Нарративная связность может гарантировать наиболее легкий доступ к прошлому, но она скрывает аутентичность нашего опыта прошлого. То, что освоено и исполнено с помощью нарратива, уже более не дает доступа к историческому опыту»¹⁴. Между тем, это допущение едва ли может быть оправдано. Дело в том, что Анкерсмит, следуя традиции нарративной философии истории, не проводит различия между «историей как рассказом» и «рассказываемой историей», между «прошлым как нарративом» и «прошлым в нарративе». Однако признание того, что мы всякий раз имеем дело не с самим историческим прошлым в его специфической реальности, но со следами прошлого (былого), с историческими текстами, вовсе не означает, что история есть рассказ, что history есть всего лишь story.

Анкерсмит не видит иного способа удержать реальность исторического прошлого, кроме как признав, что в ностальгическом опыте мы непосредственно имеем дело с самим прошлым. В ностальгическом опыте наш контакт с прошлым не опосредован языком (нарративом) и потому такое прошлое является «аутентичным».

Посмотрим, какая иная трактовка исторического опыта возможна. Понятие «опыт» может иметь два основных значения, которые с самого начала следует чётко различать: (1) опыт как теперь-переживание («актуальное переживание»), то есть опыт как структура бытия-в-мире, и (2) опыт как «накопленный опыт», «имеющийся у нас опыт», «опыт, которым мы располагаем», и т. д. Это различие принципиально и коррелирует с онтологическим различием сущего и бытия. В каких основных значениях используется выражение «исторический опыт»?

Говорят, например, об «историческом опыте построения социализма в СССР», «историческом опыте борьбы с неграмотностью», «историческом опыте НЭПа»... Выражение «исторический опыт» в названиях научных работ часто соседствует со словом «перспектива»: «Ювенальная юстиция: исторический опыт и перспектива» и т. д. Нетрудно заметить, что под историческим опытом здесь понимается не что иное, как *сама история чего-либо*. Выражение «исторический опыт» во всех приведённых примерах может быть заменено словом «история». Таким образом, исторический опыт — это сама история, а не способ нашего отношения к историческому прошлому. Нет ли, однако, в приведённых примерах дополнитель-

¹⁴ Цит. по: Олейников А. Исторический опыт — новый предмет теории. URL: <http://kogninarod.ru/exper.htm> (дата обращения: 14.05.12).

ной смысловой нагрузки? Выражение «исторический опыт борьбы с неграмотностью» предполагает не только совокупность и взаимосвязь завершившихся событий, но имплицитно содержит в себе отсылку к нашему теперь-бытию. Исторический опыт борьбы с неграмотностью — это опыт, которым мы, теперь живущие, «располагаем» и которым можем «воспользоваться». Это *наш*, имеющийся у нас опыт. Соответственно, выражение «исторический опыт» несёт в себе оба указанных значения. Не может быть «исторического опыта построения египетских пирамид», но может быть «исторический опыт крупномасштабного строительства, осуществляемого государством». Другими словами, выражение «исторический опыт» применимо лишь к тому, что выступает в качестве бытийной возможности теперь-экзистирующего Dasein. Такое понимание исторического опыта сохраняет за историческим прошлым (опыт в значении «накопленный опыт», «имеющийся опыт») бытийный характер возможности. Так понятий исторический опыт не исключает, а, напротив, предполагает необходимость историописания, так как историческое прошлое конституируется в качестве имеющегося у нас опыта какой-либо деятельности не иначе, как в историческом нарративе, через исторический нарратив.

Наряду с выражением «исторический опыт» часто используется выражение «опыт прошлого». У Анкерсмита это синонимы. Ностальгический исторический опыт есть аутентичный опыт прошлого, переживаемого в его дистанцированности от настоящего и в его недостижимости для настоящего. Выражение «опыт прошлого», как правило, используется в значении «уроки прошлого», то есть несёт в себе отсылку к теперь-бытию, так как урок или поучения открываются всегда теперь-живущему. То есть выражение «опыт прошлого» не несёт в себе ничего принципиально нового по сравнению с выражением «исторический опыт», взятым во втором его значении.

Обратим внимание ещё на одно часто используемое в исторической науке выражение — «опыт историографии». «Опыт историографии освободительного движения в Южной Африке», «Отечественное усадебное хозяйство XX века: опыт историографии» и т. д. Что означают эти выражения? В самом широком смысле историография есть создание исторических нарративов. В качестве такового историография (или историописание) есть одна из экзистентных возможностей Dasein. Поэтому «опыт историографии» следует рассматривать в качестве возможной модификации «опыта истории», ведь и сама практика историописания также «имеет» свою историю.

Опыт прошлого как «накопленный», «имеющийся в распоряжении опыт» следует отличать от «прошлого опыта». Анкерсмит чётко проводит различие между этими понятиями. А. Олейников, интерпретируя концепцию Анкерсмита, так поясняет различие между «прошлым опытом» и «опытом прошлого»: «Если прошлый (т. е. уже состоявшийся и освоенный) опыт всегда можно учитывать или применять в настоящем, то опыт прошлого возникает в момент отчуждения от настоящего; будучи присвоенным и заново пережитым, он немедленно теряет свою актуальность»¹⁵.

¹⁵ Олейников А. Исторический опыт — новый предмет теории...

Если мы берём слово «опыт» в значении теперь-переживания, рассматриваем опыт как структуру бытия-в-мире, то следует признать, что «прошлого опыта», строго говоря, не бывает. Опыт — это всегда теперь-переживание.

Историческое прошлое не может быть «объектом» переживания, как бы широко мы это переживание ни понимали. Невозможность этого вытекает из онтологической природы прошлого (бывшего). Прошлого мы не переживаем, мы его помним, удерживаем в памяти. Под памятью при этом следует понимать, разумеется, не психическую способность, но структурный момент бытия-в-мире. Невозможен опыт прошлого, равно как невозможен и «опыт будущего», если под опытом понимать непосредственное переживание.

То, что мы называем «прошлым» или «самим прошлым», не есть ни конструкт или эффект, создаваемый в историческом нарративе, ни объективная реальность, которая может быть аутентично воспринята в каком-либо опыте. То, что мы называем «самим прошлым», есть не что иное, как наш опыт и наши возможности. Прошлое, а точнее, бывшее — это само в себе сбывшееся, свершившееся и в этом смысле завершённое. Но для нас прошлое предстаёт всякий раз как наша возможность-быть. Всякое отнесение себя к прошлому (к тому или иному прошлому) возможно не иначе, как на основании изначальной, онтологической, то есть всякий раз уже имеющей место, нашей соотнесённости с бывшим. В этом смысле следует различать первичную (дореклексивную) и вторичную соотнесённость с прошлым. Последняя возможна на базе первой.

Вернёмся теперь к феномену ностальгии. В концепции Анкерсмита ностальгия рассматривается как определённый тип исторического опыта, определённый тип соотнесённости с прошлым. Прошлое в ностальгическом опыте предстаёт как *недостижимое, необратимо ушедшее, невозвратимое*. Такое прошлое рассматривается Анкерсмитом как прошлое аутентичное в противоположность неаутентичному прошлому, освоенному и истолкованному в историческом нарративе. Анкерсмит, пытаясь избежать нарративизации прошлого, по сути, возвращает нас к долингвистическому пониманию прошлого¹⁶. Трактовка прошлого как недостижимого и невозвратимого имплицитно предполагает у носителя исторического опыта стремление его «достичь» и «вернуть». В конечном счёте — *повторить*. Тот факт, что такое повторение признаётся невозможным и недостижимым, ничего в сути дела не меняет. Попытка простого повторения прошлого характеризует (в терминологии Хайдеггера) как раз *несобственный* модус экзистирования Dasein. Ностальгическое бытие-бывшим и *к бывшему* (прошлому) осуществляется в несобственном модусе, поэтому, если исходить из экзистенциальной аналитики историчности, ностальгию никак нельзя рассматривать в качестве аутентичного опыта прошлого. Собственное («аутентич-

¹⁶ Это хорошо показано в статье П. Резвых «Опыт разрыва и событие любви», в которой проводится параллель между концепцией «возвышенного исторического опыта» Анкерсмита и философией Шеллинга.

ное») прошлое (бывшее) не есть прошлое недостижимое и недостижимое, оно есть собственная возможность теперь-экзистирующего Dasein.

Экзистенциально-онтологическая интерпретация нарративной философии истории позволяет, с одной стороны, удержать понимание исторической реальности как сущностно языковой, с другой стороны, избежать сведения исторической реальности к эффекту (иллюзии) реальности (реалистичности), создаваемому в историческом нарративе. Ностальгию в рамках такой интерпретации следует рассматривать не как опыт или чувство, но как *экзистенциальное (онтологическое) расположение*. Расположение, как пишет Хайдеггер, «не приходит ни “извне” ни “изнутри”, но вырастает как способ бытия-в-мире из него самого»¹⁷. Расположение есть «экзистенциальный способ быть, в каком присутствие постоянно предоставляет себя “миру”, дает ему себя затронуть»¹⁸. Интерпретация ностальгии как экзистенциального расположения, несомненно, является продуктивной. Впрочем, феномен ностальгии в этой связи не следует привязывать исключительно к одному «прошлому». Экзистенциально-онтологически понимаемое расположение есть расположение бытия-в-мире в целом. История или бытие-бывшествующим есть лишь один из трёх исходных структурных моментов бытия-в-мире. Ностальгическому бытию-к-бывшему соответствует ностальгическое бытие-в-настоящем (настаивание-на) и ностальгическое заступление в будущее (наставание).

В контексте предложенной интерпретации феномена ностальгии и исторического опыта представляется очевидным, что ностальгия не является единственным экзистенциальным расположением, в котором (из которого) может осуществляться историописание. Какие *иные* расположения возможны и как они определяют характер исторического письма? Этот вопрос остаётся открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкерсмит, Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А. А. Олейникова, И. В. Борисовой, Е. Э. Ляминой и др. — М. : Европа, 2007. — 612 с.
2. Анкерсмит, Ф.-Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. — М. : Прогресс-Традиция, 2003. — 496 с.
3. Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 31—34.
4. Левада, Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2002. — № 6 (62). — С. 7—13.
5. Лоуэнталь, Дэвид. Прошлое — чужая страна / пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб. : Русский остров, 2004.
6. Новиков, Е. В. Нравственный смысл ностальгии : дис. ... канд. филос. наук. — М., 2009. — 153 с.

¹⁷ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. С. 136.

¹⁸ Там же. С. 139.

Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории

7. *Олейников, А.* Исторический опыт — новый предмет теории. URL: <http://kogni.narod.ru/exper.htm> (дата обращения: 14.05.12).
8. *Резвых, П.* Опыт разрыва и событие любви (Тезисы об «историческом опыте» Ф. Анкерсмита и «вечном прошлом» Ф. Шеллинга) // НЛО. — 2008. — № 92.
9. *Сартр, Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл, примеч. В. И. Колядко. — М. : Республика, 2002. — 639 с.
10. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М. : Ad Marginem, 1997. — 452 с.
11. *Чикшшева, А. С.* Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // *Фундаментальные проблемы культурологии : сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак.* — М. : Новый хронограф : Эйдос. Т. 6 : Культурное наследие: От прошлого к будущему. — 2009. — С. 267—277.